

Монзoleвский Григорий Филимонович

**Филон Александрийский и его
миросозерцание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Филимонович М.**
Филон Александрийский и его мирозерцание / Монзолеевский Григорий Филимонович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 40 с.

ISBN 978-5-519-97293-2

ISBN 978-5-519-97293-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ры, духъ новаго времени въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, — именно, по части исторіи и поэзіи, филологіи и философій, математики и астрономіи, естествознанія и вообще реальныхъ наукъ. Всемирный рынокъ сдѣлался вдругъ сѣдалищемъ всемірной литературы и всемірнаго образованія, которое объединило въ себѣ разрозненныя части прежнихъ народныхъ культуръ. Впрочемъ, александрійская литература была главнымъ образомъ только ученымъ собираніемъ матеріаловъ и критикой, не производя собственно ничего новаго въ наукѣ и поэзіи. Зато въ области наукъ реальныхъ, находящихся въ тѣснѣйшей связи съ практической жизнію, гений александрійцевъ произвелъ богатые плоды. Это замѣчательное время представляетъ много блестящихъ личностей, которыя на цѣлое столѣтіе потомъ были учителями міра.

Въ двухъ мѣстахъ великолѣпнаго города находились огромныя книгохранилища древности. Древнѣйшая часть знаменитой александрійской бібліотеки, помѣщавшаяся близъ царскаго замка, въ той части города, которая называлась Брухіумъ, — сожжена была во время войны съ Цесаремъ. Другая часть, заключавшаяся въ залѣ огромнаго и великолѣпнѣйшаго храма Сераписа, была позднѣе обогащена еще бібліотечною, которую Антоній подарилъ царицѣ Клеопатрѣ. Въ Брухіумѣ, въ прекрасныхъ и пышныхъ зданіяхъ замка, находился также музей, въ которомъ ученые александрійцы имѣли отдыхъ и вели свободную дружескую бесѣду.

Въ началѣ царствованія Птолемеевъ въ Александрію мѣсте заботились о философій, чѣмъ объ остальныхъ наукахъ. Но въ послѣднее время Птолемеевъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ философскій цвѣтъ Аѳинъ сталъ опадать и начало превозмогать римское владычество цесарей, — Александрія сдѣлалась самымъ главнымъ мѣстопребываніемъ философскихъ школъ. (Подобно то-

ну, какъ въ различныхъ кварталахъ города разсѣяно было безчисленное множество частныхъ школъ и аудиторій для грамматики и реторики, преподававшихся въ интересахъ элементарнаго образованія и приготовленія для гражданской жизни, математики и медицины, преподававшихся въ интересахъ практической жизни общества, — философія въ свою очередь имѣла множество школъ въ городѣ, и въ теченіе послѣдняго столѣтія предъ Р.

Х. стекалось тамъ множество болѣе или менѣе выдававшихся учителей всѣхъ родовъ — стоиковъ и эпикурейцевъ, толкователей Платона и Аристотеля и даже послѣдователей стараго философа Гераклита, равно какъ и обновителей ученія Пифагора.

Названія старыхъ философскихъ школъ удержались и въ Александріи; но ихъ послѣдователи не шли уже исключительно въ замкнутыхъ границахъ системъ, а отбросили въ сторону всякую рѣзкую разрозненность и враждебность партій и искали объединенія и отождествленія различныхъ ученій и взглядовъ. Путемъ подобнаго сближенія произошелъ такъ называемый философскій эклектизмъ, т. е. отборная и смѣшанная философія, въ которой элементы самыхъ различныхъ философскихъ системъ, смотря по направленію и нуждамъ образованія тѣхъ, которые предавались изученію философіи, болѣе или менѣе сопрягались въ единство міросозерцанія.

Такой именно переработкѣ и пополненію прежними философскими взглядами подвергнуто было и ученіе Платона, котораго сочиненія, наполненныя образами поэтической фантазіи, увлекали какъ по языку, такъ и по искусству изложенія гораздо больше, чѣмъ сухія и точныя умозрѣнія Аристотеля. И если философія Платона, какъ она ни была неполна и замкнута, заключала уже въ себѣ такой ростокъ, изъ котораго на цѣлое столѣтіе могли развиваться богатые сѣмена духовной жизни, — то понят-

но будетъ то странное явленіе: какъ платоническая философія превратилась, съ одной стороны, подъ руками настоящихъ послѣдователей Платона въ самой академіи, въ скептицизмъ и сомнѣніе въ возможности достовѣрнаго познанія, а съ другой стороны, въ Александріи, подъ сильнымъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній востока, могла стать исходнымъ пунктомъ и основаніемъ таинственнаго и крайняго міросозерцанія, которое цѣлое столѣтіе потомъ находило для себя многихъ даже замѣчательныхъ послѣдователей. Платоново ученіе допускало развивать и перерабатывать себя, смотря по тому, какой пунктъ различныхъ сторонъ платоническаго умозрѣнія избираемъ былъ за исходный пунктъ философствованія. Ученики и послѣдователи Платона относились къ прочимъ философскимъ направленіямъ, которыя выступили послѣ смерти Аристотеля, по преимуществу какъ наѣзники, потому что они, съобразно съ своими особенными потребностями образованія, выбирали и усвоивали только тѣ двѣты и плоды мысли, которые обѣщали что-нибудь ихъ сознанію и образу жизни. Особенно стоическій и потомъ пифагорейскій образъ мысли, сошедшійся въ этомъ свойствѣ съ платоническимъ воззрѣніемъ, состоялъ въ томъ, чтобы образовать такую философію, которая поставила бы свое основаніе на твердой практической почвѣ жизни, и платонизмъ назывался то стоическимъ, то пифагорейскимъ, то аристотелевскимъ потому собственно, какой элементъ смѣшиваемъ былъ съ платоническимъ основаніемъ — стоическій ли, пифагоровскій или аристотелевскій. Вотъ почему нерѣдко видимъ мы въ это время, что одинъ и тотъ-же философъ училъ частію какъ платоникъ, частію какъ стоикъ или пифагореецъ, частію какъ аристотелевъ, — хотя, строго говоря, онъ ее былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а только отъ каждаго изъ нихъ имѣлъ что-либо заимствованное. Мѣстомъ подобной мозаической философіи была

и Александрія и притомъ гораздо прежде еще появленія собственно такъ называемой эклектической школы, основателемъ которой былъ извѣстный Потамонъ, жившій около временъ Августа Кесаря.

Однимъ изъ такихъ философствующихъ наѣздниковъ, выѣзжавшихъ преимущественно на платоническихъ основаніяхъ, былъ и тотъ мужъ, который извѣстенъ въ исторіи первобытнаго христіанства, который не справедливо называемъ былъ іудейскимъ Платономъ¹ и котораго нѣкоторые отцы называли также пиеагорейцемъ. Но какъ, спрашивается, іудей могъ сдѣлаться философомъ? Ужели греческая философія могла имѣть что-нибудь общее съ іудействомъ? Эти вопросы, конечно, могли бы имѣть силу только въ томъ случаѣ, если-бы неизвѣстно было, какъ въ Александріи объединялись всевозможныя противоположности. Не только въ стѣнахъ ея — на рынкахъ, въ школахъ, театрахъ и гимназіяхъ сталкивались постоянно, начиная со времени Цесаря, египтяне и сиріяне, индійцы и персы, греки и римляне, и вступали такимъ образомъ въ духовное соприкосновеніе, — но и въ книгохранилищахъ ея всѣ находили для себя удобный случай и средство къ образованію.

Разсѣяніе іудеевъ по всѣмъ странамъ около Средиземнаго моря происходило въ одно время съ выселеніемъ грековъ за предѣлы ихъ отечества. За-долго до Александра Великаго іудеи переселены были уже, изъ палестинской области, въ Ассирію и Вавилонъ. Уже во времена пророка Іереміи, іудеи, изъ несчастной своей родины, переселялись въ Египетъ. Когда потомъ основана была Александрія и быстро пришла въ цвѣтущее состояніе, іудеи, поселившіеся тамъ, отъ самаго основателя получили пра-

¹ Φίλων πλατωνίζεи ἢ Πλάτων Φιλωνίζεи. Suidas.

ва гражданства на-ряду съ македонянами и греками. Позднѣ поселилось еще безчисленное множество іудеевъ и въ другихъ частяхъ Египта. Основатель династіи Птолемеевъ питалъ особенную довѣренность къ іудейскимъ воинамъ и многихъ іудеевъ посылалъ въ ливійскіе города колонистами. Послѣдующіе Птолемеи давали іудейскимъ воинамъ важныя должности и щедро награждали ихъ. Около 163 г. до Р. Х. египетскіе іудеи получили отъ Птолемея Филометора позволеніе построить іудейскій храмъ въ Леонтополисѣ, въ окрестностяхъ Геліополиса, — т. е. въ странѣ, освященной въ іудейскихъ преданіяхъ исторіей Моисея. Этотъ храмъ былъ щедро одаренъ царскими сокровищами и помѣстьями, изъ которыхъ причтъ получалъ доходы для себя.

Во время Филона двѣ изъ пяти частей города, именно въ той сторонѣ его, которая обращена была въ море — къ Брухіумѣ, населены были преимущественно іудеями. Они имѣли своего регента или представителя своей религіи, который назывался алабархомъ и держалъ судъ, примирялъ ссоры, наблюдалъ за договорами и закономъ и отвѣчалъ предъ римскимъ правительствомъ за исправность платежа налоговъ. Тогдашніе іудеи александрійскіе пользовались равенствомъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ прочими александрійцами, между тѣмъ какъ всей остальной массѣ городскихъ жителей Египта въ такой свободѣ и правахъ было отказано. Въ городѣ было разбѣяно множество іудейскихъ молитвенныхъ домовъ. Но такъ-какъ колонисты обыкновенно мало по малу забываютъ свой родной языкъ съ теченіемъ времени, то это случилось также и съ іудеями александрійскими, и они скоро пришли къ тому, что не въ состояніи были понимать еврейскій текстъ своего священнаго закона. Въ слѣдствіе этого для нихъ необходимо было имѣть свои религіозныя книги въ переводѣ на греческій языкъ.

Съ начала этого столѣтія выступило между александрійскими іудеями даже нѣсколько эпическихъ и драматическихъ стихотворцевъ. Для выраженія своихъ мессіанскихъ ожиданій, которыя александрійскіе іудеи раздѣляли съ своими палестинскими единоплеменниками, выбрали они, съ начала этого самаго столѣтія, ходячую форму сивилинскихъ предсказаній. Іудейскія сивиллы предсказывали, въ гекзаметрахъ, паденіе язычества и побѣду святыхъ и праведныхъ людей, которымъ Всевышній исполнитъ царя. Наконецъ, въ предпослѣднемъ до-христіанскомъ столѣтіи выступилъ въ Александріи іудей Аристовулъ, знатокъ перипатетической философіи, съ своими комментаріями на законы Моисеевы. Онъ посвятилъ свое сочиненіе молодому князю Птоломею Филометору и въ немъ провелъ тотъ взглядъ, что самыя древнія греческіе поэты — Орфей, Линъ, Гомеръ, Гезіодъ знали уже Моисеевы книги и что даже греческіе философы, какъ-вы, напримѣръ, Сократъ, Платонъ и Аристотель, почерпали свою мудрость изъ древняго греческаго перевода Моисеева кодекса или же изъ личныхъ столкновеній съ народомъ Божиимъ во время своихъ путешествій. Что эти греческіе мыслители имѣли также чистое и правильное понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру, которое для іудея, внутренно убѣжденнаго въ единственности даннаго Моисеемъ божественнаго откровенія, казалось находящимся только въ его священныхъ книгахъ, — это неожиданное и странное для сознанія іудейскаго явленіе могло быть объясняемо, съ точки зрѣнія іудейской вѣры въ откровеніе, не иначе, какъ только тѣмъ, что высокообразованные язычники позаимствовали свое понятіе о Богѣ изъ іудейскаго источника. Но какъ скоро это убѣжденіе сдѣлалось непоколебимымъ у высокообразованныхъ александрійскихъ іудеевъ и нѣсколько даровитыхъ между ними личностей вступило въ ближайшее соприкосновеніе

съ наукой, то путемъ торговли, то посредствомъ школъ риторъвъ и философовъ, то наконецъ помощію александрійской бібліотеки, — тогда одна часть подобныхъ огречившихся іудеевъ невольно стала придавать вѣсь потребности указать въ самыхъ священныхъ книгахъ тѣ духовно-нравственныя воззрѣнія, которыя возникли на почвѣ общественной жизни и обстоятельствъ. Притомъ, такъ-какъ буквальный смыслъ священнаго писанія не могъ мѣшать этому, потому что на-ряду съ послѣднимъ существовали еще пзуствыя историческія преданія, дополнявшія писанія, — то мудраго законодателя возвели еще въ великаго философа и въ его словахъ стали подозрѣвать скрытый глубокій смыслъ, который могъ быть открытъ не иначе, какъ съ помощію извѣстнаго ключа или соглашенія Моисеева откровенія съ греческою философіею. Такимъ ключемъ была аллегорія, такъ-какъ думали тогда, будто слово или образъ илбе говорить, а илбе значить. Такимъ образомъ, изъ неизбѣжной потребности найдти оправданіе для религіозныхъ преданій въ элементахъ новой культуры, произошелъ тотъ новый способъ толкованія священныхъ книгъ, который называется аллегорическимъ.

Не всѣ, конечно, александрійскіе іудеи чувствовали эту нужду, потому что не всѣхъ ихъ коснулось греческое образованіе. Не всѣ также были преданы аллегорическому способу толкованія, но часть ихъ твердо держалась въ предѣлахъ буквальнаго пониманія закона Моисеева и священныхъ преданій. За-то другая часть зашла такъ далеко, что весь обрядовый законъ Моисеевъ понимала какъ простой чувственный обрядъ или форму, которая для успѣвшихъ въ духовно-нравственномъ развитіи бесполезна и не нужна. Между этими двумя протвуположностями александрійскаго іудейства существовалъ еще особенный видъ религіозно-философскаго сознанія и образованія, который въ теченіе

царствованія Птоломеевъ развивался среди александрійскаго іудейства съ помощію надлежащей теоріи ученаго аллегорическаго объясненія писанія. Самое зрѣлое и чистое выраженіе его, равно какъ относительно полное его осуществленіе заключается въ сочиненіяхъ іудея Филона.

II.

Филонъ между представителями своего времени является такою личностію, въ которой сосредоточилось и выразилось все духовно-нравственное направленіе Александріи. Онъ вполне былъ выразителемъ своего вѣка. Въ немъ все лучшее въ философіи соединилось со всѣмъ лучшимъ въ тогдашнихъ религіяхъ, именно — съ религіозно-нравственными вѣрованіями народа Божія. Ходъ умственной и нравственной жизни тогдашняго человѣчества требовалъ такой головы, которая усвоила бы и переработывала плоды высочайшей культуры духа и потомъ начертала бы идеаль, столь необходимый тогда для отчаявшихся сердець. Такую голову имѣлъ Филонъ, и его міросозерцаніе было столь характеристичнымъ и оригинальнымъ въ тогдашнее время, что могло вліять на все ближайшее къ нему столѣтіе и оплодотворять мысли и стремленія тогдашнихъ людей. Особенно оно было сильно тѣмъ, что не шло въ разладъ съ мессіанскими ожиданіями іудеевъ, начинавшими уже проникать и во внутреннюю жизнь самыхъ язычниковъ.

Этотъ замѣчательный человѣкъ, — котораго свѣжій и характеристично-жизненный образъ, смотрящій въ сокровенное будущее духовно-нравственной жизни народовъ проникательнымъ взглядомъ, выступаетъ теперь для насъ какъ гіероглифъ какой-нибудь, — родился въ 20-мъ году предъ Р. Х., т. е. въ то са-

мое время, когда греческій географъ Страбонъ, которому мы обязаны самымъ большимъ своимъ знаніемъ тогдашней Александріи, прибылъ въ Египетъ съ римскимъ намѣстникомъ Эліемъ Галломъ. Онъ происходилъ изъ высшаго священническаго рода и его фамилія принадлежала къ числу самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій цѣлой страны. Братъ Филона, Александръ, былъ во время Кесаря Тиверія и Калигулы алабархомъ или представителемъ александрійскаго общества, а племянникъ его, сынъ Александра — Тиверій Александръ, былъ послѣ римскимъ воиномъ, представителемъ Иудей, и, сочетавшись бракомъ съ дочерью царя Ирода Агриппы, былъ намѣстникомъ Египта при Неронѣ, а потомъ, въ 70 году по Р. Х., предводителемъ войскъ римскихъ во время войны противъ Иерусалима.

Филонъ получилъ въ дѣтствѣ отличное воспитаніе и образованіе. Его образованіе было такъ обширно, что въ зрѣлые годы свои онъ могъ ставить себя на-ряду съ ученѣйшими мужами своего времени. Его знаніе закона Моисеева было такъ основательно, какъ у самаго учаго учителя синагоги. Кроме того, съ своимъ глубокимъ познаніемъ раввинскихъ толкованій писанія онъ соединялъ удивительное знакомство съ исторіями, поэтами и философами греческими, — къ чему много способствовали ему публичныя александрійскія библіотеки и различные римскіе и александрійскіе книгопродавцы. Можно думать, что онъ въ своемъ образованіи слѣдовалъ тому самому способу, который начертанъ въ его сочиненіяхъ. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ энциклопедическаго образованія приготовить духъ къ философіи. Науки, входившія въ составъ этого энциклопедическаго образованія, были слѣдующія: грамматика, музыка, геометрія, реторика и діалектика. Замѣчательно, что по взгляду Филона всѣ эти науки составляютъ низшую область человѣче-

скаго знанія. Онъ сравниваетъ ихъ съ Агарью и ставитъ ихъ въ подчиненіе философіи, которую сравниваетъ съ Саррою и называетъ госпожей всѣхъ наукъ. Судить такъ о философіи и о другихъ наукахъ могъ только тотъ, кто хорошо знакомъ былъ съ обоими областями тогдашняго знанія человѣческаго.

Филонъ до такой степени любилъ философію, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда сограждане его заставили его принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ вспоминалъ съ увлеченіемъ о юношескомъ своемъ возрастѣ, когда онъ предавался любимымъ своимъ занятіямъ науками и въ-особенности философіей. «Было время, говоритъ онъ, когда я для занятій философіей и размышленій о мірѣ имѣлъ достаточно досуга..... Какъ будто въ какомъ-нибудь обожествленіи души гонялся я за бѣгомъ солнца, луны и звѣздъ, и если обращалъ свой взоръ опять на землю и видѣлъ тамъ какъ-бы въ зеркалѣ всю земную суету, то считалъ себя счастливымъ, что стою такъ далеко отъ множества скорбей человѣческихъ. Но злѣйшій врагъ добра — зависть — сторожила и не оставляла меня дотолѣ, пока не погрузила меня въ море общественныхъ дѣлъ, гдѣ я и теперь еще нахожусь.) Я терплю ихъ и вздыхаю, и потому я уношусь мыслями къ своей юности и тамъ живу душой, утѣшая себя этимъ среди заботъ и безпокойствъ своихъ. Но чуть я улечу среди суеты хотя краткій отдыхъ и досугъ, тотчасъ лечу окрыленный по воздуху знанія...

На-сколько успѣлъ Филонъ въ философіи — это показываютъ его сочиненія. Но онъ не былъ самъ философомъ по природѣ и потому въ его міросозерцаніи проглядываютъ идеи Платона, начала стоическаго нравоученія и наконецъ пифагорейскіе взгляды на жизнь. Притомъ, всѣ эти идеи и начала облечены у него въ форму іудейскаго вѣроученія, такъ-что Филонъ является намъ